

Неужели все эти непонятные вознаграждения и бессвязные речи о незнании жизни были лишь притворством?

Тан Шаотан: «?»»

Он и вправду мало что смыслил в мирских делах, но зато умел заучивать наизусть. Искусство дарения подарков — целая наука, и он знал, что подарок нужно выбрать под человека и вручать в подходящий момент.

— Когда у тебя день рождения?

Но как незаметно выведать нужное или как тонко намекнуть — этому он научиться не смог. Он умел спрашивать только напрямую.

Он был уверен, что А Цзю обрадуется подарку, и потому хотел узнать дату его рождения.

А Цзю: «...»

Обычно живой и говорливый, он вдруг словно получил удар в самое больное место. Он застыл, отрешившись от всего вокруг, будто его дух унесло в иные дали.

Тан Шаотан: «?»»

Фань Сяо: «?»»

Тан Шаотан видел, как огонь в глазах А Цзю в одно мгновение угас, словно отхлынувшая волна. Его охватило внезапное желание протянуть руку, схватить его и вернуть обратно в этот шумный человеческий мир. Но едва пальцы, спрятанные в рукавах, дрогнули, его встревоженный взгляд столкнулся со взглядом А Цзю, отстранённым и недостижимым.

На оживлённом рынке люди толпились, проходя мимо друг друга.

А Цзю стоял в самой гуще, на расстоянии вытянутой руки от Тан Шаотана, но казалось, будто он находится в каком-то тёмном, отрезанном от мира углу. Туда нельзя было дотянуться, нельзя было потревожить, нельзя было спасти.

Его глаза, глубокие, как ночь, смотрели сквозь мельтешение тусклых фонарей. Смотрели не на человека, а на что-то неотвратимое, на тяжкую ношу самой судьбы.

Тан Шаотан с ужасом осознал, что сказал что-то не то, но не мог понять — что именно. Он опустил голову, чувствуя неловкость и беспомощность. При свете фонарей его фигура будто съёжилась, словно он снова стал тем ребёнком из далёкой снежной зимы, который с надеждой спрашивал тётю Чань об имени и происхождении своих родителей, а в ответ получал лишь мёртвую, бездонную тишину.

Он молча смотрел на свою тень, словно ребёнок, ждущий наказания.

— Чего ты так напрягся? Кто это только что уговаривал меня усерднее тренироваться? Боишься, что не справишься со мной?

Подняв голову, он увидел, что А Цзю уже пришёл в себя, и на его лице вновь играла привычная насмешливая улыбка.

Тан Шаотан отвернулся, старательно перебирая в памяти все свои тренировки. Если память

ему не изменяла, то с того дня, как он впервые взял в руки меч, у него не было достойного соперника. Даже строгая тётушка Чань никогда не говорила, что его мастерство недостаточно.

Исходя из этого, он честно ответил:

— Я тебя одолею.

Если только твоё мастерство не превосходит старейшин Павильона Ушоу, которых я с лёгкостью победил. Если только ты не сам Глава Павильона Ушоу.

В противном случае я определённо тебя одолею.

Услышав такую дерзость, А Цзю было уже готов вспылить, но Тан Шаотан вдруг сменил тему, осторожно спросив:

— Я... тебя расстроил?

Не просто расстроил, а...

Тан Шаотан и сам не мог определить эту эмоцию.

Тот слабый огонёк досады, что едва успел разгореться в душе А Цзю, мгновенно погас от этого простого вопроса. Он вздохнул, потирая лоб, и махнул рукой:

— Нет, не ты. Это я... кхм... насчёт дня рождения... ну, это... праздную каждый год, обожаю. Ха, ха, ха.

Тан Шаотан: «...»

Фань Сяо к тому времени уже выбрал подарок. Обернувшись и увидев, как А Цзю неестественно смеётся, он уловил лишь ключевые слова: «день рождения», «обожаю», «каждый год». Тут же подскочил, решив поддержать разговор по-свойски.

— У тебя дома тоже устраивают пышные пиры в честь дня рождения? Где обычно гуляют? А в детстве тебе тоже дарили родственники эту «Основы боевых искусств: 999 лекций», чтобы лучше учился?

Фань Сяо когда-то хвастал, что станет знаменитым героем, которым все будут восхищаться. Увы, с детства он был непоседой, не мог усидеть на месте и больше всего на свете ненавидел изнурительные тренировки на плацу под солнцем и ветром. И как назло, один настойчивый старший родственник упорно пытался превратить «необучаемого отпрыска» в «подающего надежды юношу», каждый год разыскивая для него новейшее «секретное руководство по боевым искусствам». А эта вечно обновляющаяся книга «Основы боевых искусств: 999 лекций» как раз и была творением того самого родственника — настоящим кошмаром детства Фань Сяо.

У А Цзю кончилось терпение выдумывать истории, да и о такой душераздирающей книге он не слышал, поэтому махнул рукой и сдался:

— Отстань. Я с детства был продан в рабство, дня рождения у меня нет, ясно?

Глава павильона всегда говорил что попало и делал что хотел, не заботясь о противоречиях и не чувствуя при этом неловкости.

Тан Шаотан: «...»

Обожаешь? Каждый год празднуешь?

С детства в рабстве? Дня рождения нет?

Тан Шаотан совсем запутался. Он не мог понять, что из сказанного А Цзю правда, а что ложь, или же всё это была одна сплошная отговорка.

Фань Сяо: «...»

А ты, почтенный, сам-то помнишь, что только что говорил?

Фань Сяо не поверил ни единому слову. Он считал, что повидал на своём веку всякого, но такого наглого, заносчивого и своевольного «раба» ещё не встречал. Если А Цзю — «раб», то кто же тогда его «хозяин»? Наверное, сам Небесный Император?

«Наглый раб» А Цзю с видом «верь, если хочешь» тут же перевёл стрелки, контратаковав Тан Шаотаня:

— А ты сам? Когда твой день рождения? Как отмечаешь?

Тан Шаотан: «...»

Тан Шаотан замер в молчании. Он не хотел ничего скрывать, просто ему требовалось время, чтобы подобрать слова.

В Павильоне Радужных Одежд день рождения по значимости уступал лишь дню окончания обучения и был поводом для грандиозных приготовлений. Днём рождения здесь считался день вступления в Павильон, что символизировало новое рождение. В этот день Глава павильона лично устраивал праздничный пир, наносил киноварь на лоб виновника торжества, одаривая его своей милостью и благословением.

Тан Шаотан с теплотой вспоминал эти церемонии — они заставляли его верить, что Павильон Радужных Одежд был его домом, его пристанищем. Но сам он никогда не праздновал день рождения, потому что родился в Павильоне, и у него не было дня вступления, который можно было бы считать днём рождения.

Тан Шаотан медленно произнёс:

— У меня никогда не было дня рождения. В моей... семье днём рождения каждого считают день, когда его приняли в дом. Я же родился дома, поэтому у меня нет такого особенного дня.

Фань Сяо: «Приняли в дом? У вас большая семья? Вы берёте много приёмных детей?»

Фань Сяо слышал, что крупные школы и кланы, странствующие по рекам и озёрам, часто берут под свою опеку сирот и обездоленных детей. Эти ученики, вступив в школу, начинают считать её своим домом, поэтому использовать дату вступления как день рождения казалось вполне логичным.

А Цзю подметил странность под другим углом:

— Ты родился дома, значит, должен знать свою истинную дату рождения, разве нет?

Слова А Цзю заставили Тан Шаотаня, привыкшего принимать всё как должное, очнуться.

Все в Павильоне Радужных Одежд считали днём рождения день вступления, и это объясняло, почему у него его нет. Но на самом деле, день рождения, определённый Павильоном, вовсе не был тем, что подразумевали под этим словом обычные люди. Он родился в Павильоне Радужных Одежд, поэтому у него не было дня «вступления», но это не означало, что у него не было настоящего дня рождения.

Одна загадка разрешилась, но тут же возникла другая.

Если у него был день рождения, тётушка Чань, растившая его с детства, конечно же, должна была его знать. Почему же она тогда солгала, что его нет?

Тан Шаотан, будучи внутри ситуации, не видел всей картины, но со стороны всё было очевидно.

Даже Цюй Цзюаньцзюань, ничтожная фигура в Павильоне Радужных Одежд, понимала, что положение Тан Шаотаня в Павильоне было исключительным. Если их наставница тётушка Чань была второй после Главы павильона, то Тан Шаотан, подчинявшийся только ей, занимал следующую ступень. Не говоря уже о том, что он был её лично посвящённым «проводником».

Столь высокое положение, независимо от собственных желаний Тан Шаотаня, не могло быть случайным. Однако, несмотря на такую «милость», почему же тогда никто не хотел праздновать его день рождения? Даже упоминать о нём?

Подобные противоречия были попросту необъяснимы.

Глава Павильона Ушоу уже собрался прижать Тан Шаотаня к стенке и выпытать всё до конца, но, взглянув на его озабоченное лицо, передумал.

А Цзю: «...»

А Цзю вдруг без всякой причины сдался, решив, что спрашивать бесполезно. В конце концов, он уже знал, что мать Тан Шаотаня звали Хайтан. Лучше потом как-нибудь навести справки о ней.

— О чём задумался? Малыш зовёт тебя помочь выбрать подарок, ну же, иди!

Неожиданно «представленный» малыш Фань Сяо: «???»

...

<http://bllate.org/book/16258/1462632>